

УДК 81-119

Приказчикова Е.В.*(г. Москва)*ВЛИЯНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР НА ПРОЦЕСС
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА, МЫШЛЕНИЯ И КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В предлагаемой статье рассматриваются проблемы перевода концептуальных метафор. Когнитивная и языковая формы кодирования информации рассматриваются в свете последних исследований и предстают как разные формы представления знаний, которые, однако, органически взаимосвязаны. Предпринята попытка описать взаимосвязь языковых, лингвокультурных и когнитивных компонентов и влияния этого феномена на перевод концептуальных метафор. Делается вывод о том, что метафора является важным механизмом, посредством которого осуществляется понимание абстрактных концептов, что позволяет рассматривать метафору не как языковое, а как концептуальное явление.

Ключевые слова: концепт, концептуальная метафора, когниция, когнитивная лингвистика, когнитивно-дискурсивный подход.

E. Prikazhikova*(Moscow)*INFLUENCE OF CONCEPT METAPHORS ON LANGUAGE,
THOUGHT AND CULTURE INTERACTION

Abstract. The article raises some issues of concept metaphors translation. Cognitive and linguistic forms of information coding are analyzed in the light of recent research and are different forms of knowledge presentation. Which, nevertheless, are inherently interrelated. The author attempts to describe the interconnection of linguistic, linguo-cultural and cognitive components as a phenomenon and therefore to emphasize its influence on the concept metaphors translation. The author concludes that metaphor is an important mechanism through which abstract concepts are comprehended. That makes metaphor not only a linguistic but concept phenomenon.

Key words: concept, concept metaphor, cognition, cognitive linguistics, cognitive-discourse approach.

Современный этап развития когнитивной лингвистики характеризуется тем, что основной задачей, которую решают учёные, является получение наиболее полного представления о таком сложном феномене природы, как человеческое сознание и разум в их непосредственной

связи с языком. Другими словами, исследователи пытаются изучить соотношение *когнитивных* и *языковых* структур.

Известно, что традиционно понятие «*когниция*» охватывало не только целенаправленное, теоретическое познание, но и простое, обыденное постижение мира в каждодневной жизни человека, приобретение самого простого – телесного, чувственно-наглядного, сенсорно-моторного опыта в повседневном взаимодействии человека с окружающим миром. На современном этапе развития когнитивизма рамки данного понятия значительно расширились. Теперь «под него подводятся знание, сознание, разум, мышление, представление, творчество, разработка стратегий речемышления, символизация, логический вывод, фантазирование и т. д.» [1, с. 181]. Таким образом, когниция, являясь основным понятием когнитивной лингвистики, расширяет горизонты понимания взаимоотношений языка и мышления по сравнению с подходом традиционной лингвистики.

Познать сущность происходящих в глубине человеческого сознания процессов стало возможным благодаря языковым структурам, являющимся главным средством формирования и выражения мыслей. *Когнитивная* и *языковая* формы кодирования информации в свете последних исследований предстают как разные формы выражения знаний, которые, однако, органически взаимосвязаны. В своей работе «Русский язык и языковая личность» Ю.Н. Караулов описывает взаимосоотнесенность стереотипных ситуаций (фреймов) и пропозиций. Учёный считает, что «схемы смысловых опор», или фреймы, «персонифицируют действия от личности не зависящие и материализуются в контексте» [4, с. 192]. Он также убеждает в «универсальности пропозициональной структуры как элемента всех ментальных процессов» [4, с. 194].

С нашей точки зрения, на современном этапе развития переводоведения наиболее продуктивным подходом к изучению перевода метафорических единиц является *когнитивно-дискурсивный*. Этот подход позволяет рассмотреть метафорические единицы не только как способ выражения готовой мысли, но и как средство её создания и разработки. Немалая роль при этом отводится метафоризации как процессу получения выводного знания на базе уже существующих *концептов*.

Концепт как лингвокогнитивное явление – это единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [5, с. 90]. Необходимо отметить, что линг-

вокогнитивный и лингвокультурный подходы к пониманию концепта различаются лишь векторами по отношению к индивиду: «лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию. Любой концепт можно считать элементом определённой концептуальной системы носителя сознания как информации о действительном или возможном положении вещей в мире.

Дж. Лакофф и М. Джонсон выдвинули тезис о том, что метафора не ограничивается лишь сферой языка, что сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Они смогли убедительно обосновать тезис о том, что метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действиях человека: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [6, с. 25]. Такой подход позволил окончательно вывести метафору за рамки языковой системы и рассматривать её как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры.

В отечественной когнитивной науке появилась когорта исследователей, разделяющих точку зрения Дж. Лакоффа и М. Джонсона. В работах Н.Д. Арутюновой [2], А.Н. Баранова [3], Ю.Н. Караулова [4], Е.С. Кубряковой [5] и др. метафора рассматривается как основной способ познания, структурирования и объяснения мира.

В своей теории Дж. Лакофф и М. Джонсон описали не только концепт структурных метафор, «когда один концепт метафорически структурирован в терминах другого», но и представили другой метафорический концепт, функция которого заключается в организации «целой системы концептов относительно другой системы» [6, с. 35], назвав такие метафоры ориентационными. Указывая на то, что концептуализация с помощью пространственных категорий имеет свои пределы, они также выделяют метафорический концепт онтологических метафор или «метафор сущности и субстанции». Данный подход к концептуализации основан на тезисе о том, что «понимание нашего опыта в терминах объектов и веществ позволяет нам вычленять части опыта и обращаться с ними как с единообразными дискретными сущностями или веществами» [6, с. 49]. По их мнению, отождествление части нашего опыта либо с объектом, либо с веществом даёт нам возможность размышлять о них, т. е. ссылаться на них и относить к определённым категориям, группировать и определять их количество, при этом наиболее очевидной онтологической метафорой для них является персонификация (олицетворение) [6, с. 59].

Например, в следующем отрывке представлены две онтологические метафоры, где персонификация связана с агрессивным поведением человека. Олицетворение песни в метафоре «the beat of the song was his pounding heart» наводит на ассоциативное приравнивание её к животрепещущему сердцу, чей сильный и быстрый ритм навеивает тревогу. А само сердце в метафоре «the heart ate the oxygen from his held breath» в свою очередь ассоциативно вызывает образ голодного и потому агрессивного человека:

And as he filled his basket the song was in Kino, and the beat of the song was his pounding heart as it ate the oxygen from his held breath, and the melody of the song was the gray-green water and the little scuttling animals and the clouds of fish that flitted by and were gone [9, p. 35].

И сейчас, когда Кино наполнял свою корзинку раковинами, в нем зазвучала песня, и ритмом этой песни было его гулко стучащее сердце, которому подавало кислород дыхание, задержанное в груди, а мелодией песни были стайки рыб – они то соберутся облачком, то снова исчезнут, – и серо-зеленая вода, и кишачая в ней мелкая живность [7, с. 19].

В метафоре «the beat of the song was his pounding heart» метафора не сводится просто к идее SONG IS ONE'S HEART / ПЕСНЯ – ЭТО ДУША, а является более конкретной SONG IS AGITATION / ПЕСНЯ – ЭТО ДУШЕВНОЕ ВОЛНЕНИЕ. Соответственно, в рамках такой метафоры песня не воспринимается нами как союзник. Этот приём способствует созданию текстовой модальности тревоги, в данном случае тревоги перед неизвестным будущим. Однако в переводе Н. Волжиной читатель, незнакомый с оригиналом, не сможет оценить по достоинству метафоричность мышления Дж. Стейнбека, так как при переводе произошла потеря модальности тревоги, которая заменена понятием о том, что «любая песня имеет ритм». Это создаёт мирную картину бытия. Переводчик заменяет модальность тревоги модальностью спокойствия. При этом эффект спокойствия создаётся заменой существительного «биение» на существительное «ритм». Нейтрально-спокойная модальность усиливается заменой значения глагола «to eat» – «есть, пожирать» на нейтральное «подавать кислород» в переводе метафоры «the heart ate the oxygen from his held breath» («сердце пожирало кислород из задержанного им дыхания» – перевод наш – П.Е.).

С нашей точки зрения, предложенный Дж. Лакоффом и М. Джонсоном подход к решению в рамках когнитивной лингвистики проблемы того, как через язык познаются сами когнитивные механизмы, позволяет проникнуть в суть особенностей языковой личности Дж. Стейнбека и облегчает задачу адекватного воссоздания метафорических единиц его прозы на русском языке.

Исходя из постулата о том, что базовым источником знаний, составляющих концептуальные метафоры, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причём диахронически первичным является физический опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур – «схем-образов», мы предполагаем, что метафорические единицы в произведениях Дж. Стейнбека именно таким образом отражают картину мира, воспринимаемую читателем через концепты, схемы-образы автора.

В следующем примере через метафорические единицы можно проследить цепочку состояний, которые испытывает главный герой, скрываясь от преследователей. Вначале – это напряжённая бдительность загнанного зверя, замершего при первых сигналах опасности. Затем – осторожность движений, присущая крадущемуся зверю, когда он идет на разведку. И заканчивается эпизод напряжением, отражающим осознание нависшей опасности. В таких случаях зверь обычно пригибается к земле, стараясь казаться незаметным для противника. Однако в данном отрывке все эти действия осуществляет человек:

He listened again, an animal light in his eyes. He stood up then, silently; and crouched low, he threaded his way through the rush toward the road. But he did not step into the road; he crept into the cover of a thorny tree and peered out along the way he had come [9, p. 99].

Он снова прислушался, по-звериному сверкнув глазами. Потом бесшумно встал и, низко пригнувшись, пробрался сквозь заросли к дороге. Но дальше он не пошел, а лег под колючим кустом и посмотрел в ту сторону, откуда они с Хуаной пришли [7, с. 60].

Таким образом, метафоры в данном отрывке осуществляют онтологический перенос из области наших знаний о поведении животного в момент опасности в область знаний о поведении человека в ситуации преследования его врагами.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что метафора является важным механизмом, посредством которого мы понимаем абстрактные концепты и рассматриваем метафору не как языковое, а как концептуальное явление, феномен взаимодействия языка, мышления и культуры.

Литература:

1. *Алефиренко Н.Ф.* Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 416 с.
2. *Артунова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 136–137.

3. *Баранов А.Н.* Очерк когнитивной теории метафоры // Русская политическая метафора. Материалы к словарю – М., 1991. – С. 184–193.
4. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.
5. *Кубрякова Е.С.* Концепт // Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, О.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С. 90–93.
6. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
7. *Стейнбек Дж.* Жемчужина / Перевод Н. Волжиной // Собрание сочинений в шести томах. – Т. 4. – М.: Издательство «Правда», 1989. – С. 5–74.
8. *Lakoff G., Johnson M.* METAPHORS We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 256 p.
9. *Steinbeck J.* The Pearl. – Essex, Harlow: Longman, 2000. – 133 p.